

Текст · 10 октября 2019, 17:49
Никита Сологуб, Елизавета Пестова,

«Она не знала, что это значит — задержание в России». История Наамы Иссахар, которая хотела вернуться в Израиль со стыковкой в Москве, а оказалась в СИЗО по делу о контрабанде

25 сентября 2019 года, Химкинский городской суд.

Яффа Иссахар стоит в пустом коридоре суда, сжимая в руке пакет с теплыми вещами и надписью на иврите. Она уже три недели не видела свою дочь, 25-летнюю гражданку США и Израиля Нааму Иссахар, а за это время в СИЗО в подмосковной Икше заметно похолодало.

Рядом в том же коридоре ждут начала заседания еще двое мужчин, на одном из них коричневые туфли с надписью *Lamborghini*. Когда они невозмутимо заходят в кабинет, где должно рассматриваться дело Наамы, на них обращает внимание адвокат девушки Александр Тайц. По-английски мужчины не говорят, но объясняют, что узнали об уголовном деле в отношении иностранки от «общих друзей», имена которых назвать не могут, и уже заключили с ней соглашение.

Когда они уходят, Тайц выясняет у помощницы судьи, что их фамилии Терехов и Черенков, и статус адвоката оба они получили в адвокатской палате Тульской области примерно год назад. На улице, который час ожидая конвоя с арестованной Наамой,

еще один защитник девушки Рафаэль Палеев, седой мужчина с выдающимися усами, с помощью судебного переводчика возмущенно объясняет ее матери: «Скорее всего, эти люди мошенники... Они из Тулы! Из Тулы! Это деревня! Что они тут забыли? Очевидно, это мошенники! У них полгода статус, а у меня — 50 лет!».

Проходит час, потом другой. «Как же я ненавижу ждать! Больше всего меня раздражает в этих судах, что ждешь и ждешь, непонятно чего!» — произносит адвокат Палеев. Яффа Иссахар молча слушает его.

Вскоре в зал суда, где должно состояться заседание, проходит высокий лысый мужчина в изящном шарфе — судья Павел Чередниченко. Юркнув вслед за ним, адвокат Тайц выясняет причину задержки: судья ушел на приговор в другом процессе, а значит, не может ни продолжить рассматривать дело в отношении девушки, ни дать ее матери разрешение на свидание с ней, пока не вынесет свое решение. «Я никакого разрешения дать не могу, потому что я в совещательной комнате как минимум до пятницы. Кто успел до того, как я туда ушел — те успели. Кто нет — ну, извините», — слышится голос судьи.

Вернувшись, Тайц пытается объяснить эту юридическую коллизию Яффе, но явно испытывает затруднения. *"Nobody can go in and the judge can't go out..."* — говорит^[1] он. Уже не пытающаяся скрыть слезы женщина не может понять, как один и тот же судья может и разгуливать по коридору суда, и находиться в совещательной комнате. На помощь

приходит судебный переводчик, но объяснить не получается и у него.

«Мы не специально ведь свидания не даем, мы просто не имеем права сейчас», — как бы извиняясь, вмешивается выглянувшая из-за двери помощница судьи. Яффа Иссахар отходит в сторону и в сердцах шепчет^[2]: *"Fucking terrible country! She hasn't seen anybody for three weeks! No phone, no letters... It's ridiculous!"*. «— Я ей объяснил, но мама как бы понимает и как бы не понимает при этом», — растеряно говорит переводчик адвокату Палееву.

Наама Иссахар родилась в 1993 году в традиционной иудейской семье в американском штате Нью-Джерси. В 15 лет она захотела переехать в Израиль, родители согласились, рассказывает ее мать Яффа.

Закончив в Израиле школу, девушка отправилась служить в ЦАХАЛ^[3]. На деньги, выплаченные государством после двух лет в армии, Наама на три месяца отправилась в Индию. Вернувшись, вспоминает ее мать, Наама некоторое время поработала официанткой, но поняла, что хочет профессионально заниматься йогой. В декабре 2018 года она вновь купила билеты в Индию — чтобы сэкономить несколько сотен долларов, девушка выбрала рейсы «Аэрофлота» с пересадкой в Москве.

Рейс из Дели в Тель-Авив

9 апреля 2019 года, аэропорт Шереметьево. Обратный рейс Наамы Иссахар вылетал^[4] из Дели 9 апреля, в 01:25 по местному времени. Сдав в багаж

чемодан, небольшой красный рюкзак и коврик для йоги, девушка зарегистрировала его до конечного пункта назначения — Тель-Авива — получила два посадочных талона и прошла на посадку. Через восемь часов самолет прилетел в терминал *D* московского аэропорта Шереметьево.

Поскольку посадочный талон на следующий рейс у нее уже был, израильтянка миновала стойку оформления трансферных пассажиров и, в соответствии с правилами транзита, указанными на сайте «Аэрофлота», прошла паспортный и предполетный контроль, спустилась на третий этаж терминала и отправилась к выходу на посадку, где стала ждать самолета — он отправлялся через шесть часов. Все это время Наама не покидала зону вылета.

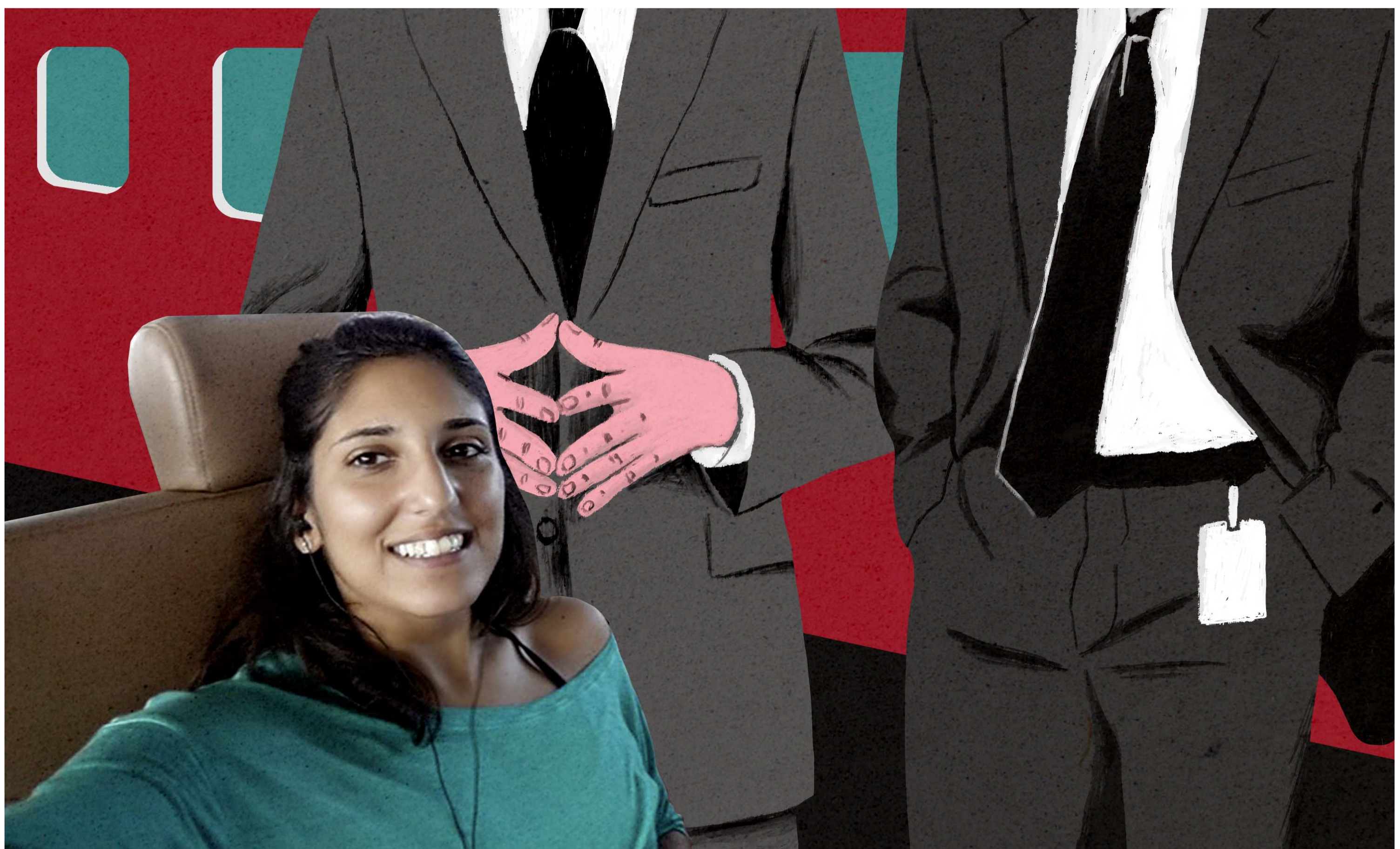

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Между 11:00 и 13:00 на красный рюкзак девушки, который перед погрузкой на рейс до Тель-Авива находился в комплектовочном помещении аэропорта, обратила внимание служебная собака сотрудницы таможенной службы. Та вызвала

оперативного сотрудника из отдела по борьбе с контрабандой. Он, в свою очередь, отнес рюкзак в комнату для досмотра и стал изучать его содержимое.

В красно-оранжевой косметичке оперативник обнаружил пакет с твердым веществом коричневого цвета — позже экспертиза определит его как 9,6 грамма гашиша. Составив рапорт об обнаружении признаков преступления по части 1 статьи 228 УК (хранение наркотиков в значительном размере), таможенник из отдела по борьбе с контрабандой передал его в линейное управление МВД по аэропорту Шереметьево.

Около 13:20 Наама заходила на посадку на рейс. Как позже рассказывала девушка в суде, когда она показала сотруднику «Аэрофлота» посадочный талон, тот обратил на него внимание стоявшего рядом человека в костюме. Этот мужчина сказал Нааме пройти с ним. По словам девушки, из-за того, что тот говорил по-русски и был в гражданском, она сначала не поняла, что происходит. По пути к ним присоединилась женщина-полицейский. Миновав вместе с ней паспортный контроль, Наама оказалась в помещении таможенной службы.

«Когда меня вели через коридор, я поняла что это какая-то миграционная зона. Там сотрудник попросил подписать что-то. Я говорю: "Не буду подписывать, потому что не понимаю и не говорю по-русски". Вообще никто там на английском не говорил, вообще! Кто-то что-то поставил за меня, закорючку на бумаге. Меня взяли за руки и увели в полицейский участок, забрали оба паспорта.

Там стали показывать сверток, спрашивать что-то», — вспоминала Наама в суде (она выступала на английском языке).

Ночь на 10 апреля девушка провела в комнате отделения полиции в аэропорту, пытаюсь уснуть на стуле. Поскольку телефон не отобрали, все это время она переписывалась с мамой. «Я звонила в израильское консульство, те звонили ей. Когда они посоветовали ей найти адвоката, Наама это восприняла как шутку: "Зачем мне адвокат? Они меня ведь еще несколько часов подержат и разберутся". Она тогда не знала, что это значит — задержание в России. Что это все очень, очень серьезно. Только наутро она стала волноваться по-настоящему», — вспоминает Яффа Иссахар.

Быт и нравы Химкинского суда

2 октября 2019 года, Химкинский городской суд.

Участники процесса заходят в тесный зал, где едва помещаются стол для адвокатов и прокурора, рабочие места секретаря и помощницы судьи, три заваленные томами с материалами уголовных дел скамьи — одну из них почему-то занимают те двое адвокатов из Тулы — и кафедра самого судьи Павла Чередниченко. Яффа Иссахар поздравляет стоящую в клетке Нааму с днем рождения, который наступит на следующий день.

Окидывая взглядом зал из совещательной комнаты, судья Чередниченко, пока еще в рубашке, джинсах и туфлях, замечает корреспондента «Медиазоны». Он объясняет, что если кто-то из участников процесса выскажется против его присутствия на заседании,

корреспондент будет вынужден покинуть зал. На замечание о том, что заседание — открытое, судья отвечает: «Вы будете мне говорить, что чем является, а что нет?».

Помощница судьи выводит журналиста из зала и закрывает дверь изнутри. Через четверть часа его все же пускают внутрь. Прокурор, молодой загоревший блондин с желтыми часами на руке, пристально сверяет паспорт с пресс-картой, хотя этим уже занимались приставы на входе в суд. Судья разрешает корреспонденту остаться в зале, но не предлагает присесть, поясняя, что свободных мест нет. При этом две скамьи стоят полупустыми.

Все заседание журналисту приходится сидеть на корточках слева от кафедры судьи. Под мантией у судьи Чередниченко — клетчатые домашние тапочки.

После допроса Наамы Иссахар адвокат Рафаэль Палеев неожиданно спрашивает подсудимую, является ли она иудейкой и ест ли кошерную пищу. Когда судья снимает вопрос, защитник объясняет свою позицию: «Это имеет прямое отношение к делу, потому что в течение полугода ей причинялись моральные страдания в связи с отсутствием такой пищи».

Прокурор привычно просит огласить показания, данные Наамой на следствии, «в связи с существенными противоречиями». Когда судья требует указать эти противоречия, гособвинитель просит перерыв и начинает судорожно перелистывать материалы дела. Судья Чередниченко снимает мантию, вновь меняет тапочки на туфли и

выходит за дверь, чтобы выяснить, кто еще ожидает его — в коридоре стоят еще несколько человек.

Помощница Чередниченко вдруг шутит: «Судей нам не хватает. Никто не идет на маленькую зарплату».

Вернувшись, судья повторяет свое перевоплощение в обратном порядке и вновь оказывается за кафедрой в тапочках и мантии. Отвечая на его вопросительный взгляд, суетливый прокурор просит подождать еще 10 минут, снова пролистывает материалы дела, после чего качает головой: «Ваша честь, я отказываюсь от ходатайства, так как данные страницы не содержат противоречий».

Он просит объявить перерыв «для подготовки к прениям». Судья соглашается и откладывает заседание.

Контрабанда по требованию прокуратуры

Апрель — июль 2019 года, Москва и Химки. Узнав о задержании дочери, Яффа Иссахар прилетела в Москву к вечеру 10 апреля. Наама все еще была в полиции Шереметьево. «Мы на тот момент уже нашли адвоката, Александра Тайца. Стало известно, что ей вменяют хранение [наркотиков] в личных целях. Наама тогда сказала: "Окей, я признаю, что это было в моей сумке". Адвокат объяснил, что за хранение обычно дают один или два месяца домашнего ареста, или ее оштрафуют и депортируют», — говорит Яффа.

В конце июля сотрудники аэропорта
петербургского аэропорта Пулково во время

досмотра прилетевшей внутренним рейсом 19-летней гражданки США Одри Элизы Лорбер обнаружили у нее 19,05 грамма медицинской марихуаны. Девушка призналась, что привезла ее с собой из-за границы и продемонстрировала патент на употребление в рамках американской медицинской программы. Хотя девушка не отрицала факт перемещения марихуаны через российскую границу, в отношении нее возбудили уголовное дело лишь по части 1 статьи 228 УК. В середине сентября ее приговорили к штрафу в размере 15 тысяч рублей.

Заседание по избранию Нааме меры пресечения прошло в Химкинском городском суде на следующий день. Несмотря на то, что хранение наркотиков в значительном размере относится к преступлениям небольшой тяжести, в зал девушку завели в наручниках, а заседание она провела в клетке. Найденный знакомым раввином собственник жилья в Москве предложил суду предоставить его для домашнего ареста Наамы, но судья, решив, что девушка может скрыться, все же отправил ее в СИЗО.

Яффа Иссахар осталась жить в Москве и сняла номер в отеле. Дознание по делу о хранении гашиша было завершено уже через три недели после ареста, после чего его передали в прокуратуру для утверждения обвинительного заключения. Мать Наамы была уверена, что вскоре ее дочь оштрафуют и освободят. Но из прокуратуры дело вернули в полицию, указав, что в нем усматривается признаки не только хранения наркотиков, но и более тяжелого преступления — контрабанды наркотических средств

в значительном размере (пункт «в» части 2 статьи 229.1 УК, от пяти до десяти лет лишения свободы).

«Адвокат изучил законы и сказал, что такого быть не может. Сказать, что я была в шоке — это ничего не сказать. Начался кошмар», — вспоминает Яффа. Из комнаты в отеле ей пришлось переехать в съемную квартиру неподалеку от Московского еврейского общинного центра в Марьиной роще. С работы в Израиле Яффу уволили.

Несмотря на поручение израильского консульства и многочисленные ходатайства о переводе под домашний арест, месяц за месяцем суд продлевал срок содержания Наамы под стражей. Повторное следствие было завершено в середине июля. К этому моменту в деле стало два тома материалов. Почти все они — экспертиза вещества, допросы Наамы, полицейских и сотрудников таможни — были собраны дознавателем за первые три недели после задержания. После возвращения дела из прокуратуры к ним добавились лишь выписки из таможенного кодекса Евразийского экономического союза (ЕврАзЭС) и закона «О государственной границе Российской Федерации».

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Йом-Кипур начинается с прений

9 октября 2019 года, Химкинский городской суд. "–

Today is the last day of the trial. I really hope it will

be over today", — говорит^[5] Яффа перед началом

заседания. На этот раз вместе с ней пришли две женщины из московской еврейской общины. Яффа объясняет, что сегодня начинается Йом-Кипур — день поста, покаяния и отпущения грехов в иудаизме — поэтому она надеется, что судья согласится перевести дочь под домашний арест. Для этого одна из пришедших в суд женщин принесла документы на право собственности своей квартиры.

Адвокат Рафаэль Палеев невесело смотрит на женщин, усмехается и пытается объяснить им, что изменение меры пресечения на последнем заседании процесса уже невозможно. «Она мать, и она готова поверить во все что угодно», — парирует хозяйка квартиры. Защитник вздыхает: «Вы можете пробовать, но это ни к чему не приведет. Только время оттянете».

Переводчика нет, поэтому Яффа не понимает, о чем они говорят. Потеряв интерес, она достает небольшую бумажку с выведенными на ней красными чернилами словами на иврите и несколько раз читает их про себя. Когда полицейские заводят Нааму в наручниках в зал, она широко улыбается матери.

Судья Павел Чередниченко объясняет, что в дело попыталась войти еще одна защитница, поэтому, хоть та и не пришла на заседание, Наама должна высказать свое согласие или несогласие с ее участием в процессе. *"I want only the lawyer Alexander Tait to defend me in court"*, — диктует^[6] переводчик текст заявления. После этого ему приходится переводить этот документ об отказе в трех экземплярах — для судьи и для оставшихся в деле защитников. Пока переводчик пишет, судья несколько раз выходит из зала с одним и тем же вопросом:

— Ну что?

— Вот, дописываю.

— Господи, и на что мы время тратим! В метро хоть книжку почитать можно, а тут? — снова возмущается пожилой адвокат Палеев.

Когда вопрос с заявлением, наконец, решается, адвокат Тайц ходатайствует об изменении меры пресечения на домашний арест.

— Зачем держать ее полгода в тюрьме? Бойтесь, что из квартиры уйдет — наденьте браслет. Бойтесь, что покинет страну — выставьте конвой, задержите в

аэропорту, вы же все это умеете. Ну как она от вас убежит? — поддерживает его Палеев.

— Особенно я хочу, чтобы это случилось сегодня, потому что сегодня начинается великий праздник, и я должна начать поститься, — добавляет сама Наама.

Скучающий судья Чередниченко вызывает в зал владелицу квартиры. Когда появляется необходимость передать ей подписку об ответственности за дачу ложных показаний, возникает заминка — проход между судьей и столом помощницы занят прокурором. Вздыхая, судья встает из-за кафедры в мантии и тапочках, берет бумагу и передает ее женщине. Выслушав хозяйку квартиры, он отказывает в удовлетворении ходатайства.

Первым в прениях выступает прокурор. В конце своей речи он называет цифру, которую все так ждут — он просит суд приговорить Нааму к восьми годам в колонии общего режима. Уголки губ у девушки опускаются — она явно не ожидала такого огромного срока и не знает, как на него реагировать. Ее мать едва сдерживает слезы. Прокурор в своем смартфоне смотрит цены в приложении «Яндекс.Такси».

— Реплики у сторон будут? — улыбаясь, спрашивает судья у гособвинителя, когда заканчивают выступать адвокаты.

— Да нет, — со смешком отвечает тот, по-видимому, позабавленный речами защитников.

Произнося свое последнее слово, Наама Иссахар не может сдержать слез: «Я понимаю, что эти вещи очень

серьезно воспринимаются в Российской Федерации. Но я прошу вас учесть, что это было сделано тем человеком, который не хотел, не имел намерения проникнуть в Российскую Федерацию и нарушить закон. Я надеюсь, что те полгода, которые я провела в тюрьме — это достаточная плата».

Вопрос о границе России

Выступая в Химкинском городском суде, Наама Иссахар согласилась с обвинением в хранении 9,6 грамма гашиша, но не признала вину в контрабанде — по ее словам, она просто летела с пересадкой и не собиралась перемещать этот гашиш через границу. Услышав это, судья Чередниченко поинтересовался, видела ли девушка по прибытии в Шереметьево информационные стенды, на которых описан порядок провоза предметов и веществ.

Вопрос о государственной границе России и факте ее пересечения обвиняемой стал ключевым и в выступлении прокурора в прениях. Он сказал, что «расценивает как способ уйти от ответственности за совершение тяжкого преступления» слова девушки о том, что она не имела умысла на контрабанду.

Как напомнил в своей речи гособвинитель, вменяемый Нааме пункт статьи о контрабанде **звучит** так: «Перемещение [наркотиков] через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС». **В соответствии** с таможенным кодексом ЕврАзЭС, границу союза определяют территории государств, входящих в него, отмечал он. Таким образом, пересекая границу России, подсудимая пересекла и границу Таможенного союза, а значит, должна была

перемещать через него лишь предметы, разрешенные его кодексом.

«Иссахар Наама, прибывшая в транзитную зону аэропорта, находилась на территории Таможенного союза. Наркотическое средство находилось в сопровождаемом ей багаже — она это и сама признает. Границу России, а вместе с ней и Таможенного союза, она пересекла. Ввоз наркотиков на территорию Таможенного союза запрещен. Незаконное перемещение также запрещено. Таким образом, по смыслу толкования норм права все условия для применения статьи [Уголовного кодекса о контрабанде] соблюдены», — объяснял прокурор свою формальную логику.

Защитники же, напротив, призывали судью отойти от формального подхода и обратиться к здравому смыслу. Адвокат Александр Тайц обращал внимание на то, что у подсудимой не было возможности извлечь наркотики из багажа — в подтверждение этому еще на стадии предварительного следствия к делу был приобщен ответ «Аэрофлота», в котором говорилось, что технически рюкзак с гашишем внутри Наама могла бы получить только по прилету в Тель-Авив.

«Следовательно, распорядиться находящимся в багаже наркотическом средством на территории России Наама объективно не имела возможности и не предпринимала никаких действий, направленных на это. Каких-либо данных о том, что наркотики в багаже она намеревалась скрыть от таможенного контроля или затруднить его обнаружение, в деле нет. Нет в нем и данных о том, что изъятые

наркотики она намеревалась передать кому-либо на территории России. Таким образом, умысла на совершение преступных действий, контрабанды на территории России у нее не было», — говорил Тайц.

Его коллега Палеев в прениях назвал требование прокуратуры квалифицировать дело по статье о контрабанде «юридическим зондажом». «Прокурор знал, что такие дела заканчиваются только статьей 228 УК [о хранении наркотиков] — он неоднократно такие дела подписывал. Но он решил добавить туда контрабанду. Потому что, если суд признает ее виновной по статье 229.1 УК [о контрабанде], то это будет ноу-хау. А если не признает, то и дальше можно будет эти дела квалифицировать по 228 УК. Обвинение-то ничего от этого не потеряет», — объяснял он.

Не обошелся Палеев и без напутствия судье: «Вам сейчас во время вынесения приговора предстоит трудная задача. Конечно, вы можете пойти по тому пути, по которому идут многие судьи — вы можете взять и переписать обвинительное заключение. Но в этом случае — а дело, естественно, пойдет по другим инстанциям, вплоть до Верховного суда — вас могут упрекнуть в плагиате. Чтобы этого не случилось, вам придется отыскивать для приговора доказательства контрабанды. А это будет очень трудно — я даже не знаю, справитесь вы или нет. Чтобы этого не произошло, надо принять единственное разумное решение — по [статье о контрабанде] оправдать, по [статье о хранении] — назначить штраф».

Свой приговор судья Павел Чередниченко огласил 11 октября — он признал Нааму Иссахар виновной и назначил ей 7,5 лет в колонии общего режима.

Другие дела Химкинского суда о контрабанде

На сайте Химкинского городского суда по статьям по обвинению в контрабанде наркотиков находится 56 решений. Тексты приговоров опубликованы почти по половине из них — ни в одном из этих случаев речь не идет о совершении контрабанды по факту пересечения границы в воздухе: каждый раз следствие квалифицировало как контрабанду попытку обвиняемого пройти с запрещенными веществами в багаже, ручной клади или собственном организме через «зеленый коридор» на таможне.

Так, в июне прошлого года 5,5 лет колонии получил подсудимый по фамилии Михайлов, прибывший рейсом из Берлина и попытавшийся пронести в ручной клади 9,6 грамма гашиша и 0,33 грамма МДМА. В апреле того же года обвиняемый Иванин, летевший из Мадрида, получил 10,5 лет за попытку пронести через «зеленый коридор» в желудочно-кишечном тракте 113 грамм кокаина. В ноябре 2017 года пять с половиной лет получил пассажир Сердаков, который положил в сданный в багаж чемодан 14,7 грамма марихуаны и вместе с ним попытался миновать «зеленый коридор». В каждом из 26 опубликованных решений есть вариация одной и той же фразы, которая описывает действие, необходимое, по мнению суда, для образования состава преступления по статье о контрабанде:

«миновал зеленый коридор», чем «заявил таможенному органу в конклюдентной форме об отсутствии товаров, подлежащих обязательному письменному декларированию». Однако в случае Наамы Иссахар ничего подобного нет.

«Анализ судебной практики свидетельствует, что дела о контрабанде наркотиков расследуются совершенно иначе. Однако стороны обвинения решила привнести ноу-хау, пойдя по формальному пути обвинения. <...> Иссахар действительно пересекала границу на борту воздушного суда, однако, в таком случае, по логике следствия и прокуратуры, потенциальными контрабандистами являются пассажиры всех гражданских судов, следующих транзитом через воздушное пространство России, даже без совершения стыковочных рейсов. Тогда надо ввести новый состав преступления — транзитная контрабанда», — считает ее защитник Александр Тайц.

Редактор: Егор Сковорода

Обновлено 16:59 11 октября. Добавлена информация о приговоре Химкинского городского суда и назначенном Нааме Иссахар сроке.

-
1. «Ни войти никто не может, ни сам судья выйти...» (англ.)
 2. «Чертова страна! Она никого не видела уже три недели! Ни телефона, ни писем... Это просто смешно» (англ.)
 3. Армия обороны Израиля, в которой по призыву служат как юноши, так и девушки.

4. Хронология и последовательность событий восстановлены по выступлениям прокурора, защитников и подсудимой в суде; адвокаты отказались показать «Медиазоне» материалы уголовного дела, сославшись на адвокатскую тайну.

5. «Сегодня последний день суда. Я очень надеюсь, что сегодня все закончится» (англ.)

6. «Я хочу, чтобы в суде меня защищал только адвокат Александр Тайц» (англ.)